

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-294-302

EDN XNXXHT

Оригинальное исследование

Нарративные образы Рима и Константинополя в историографии: от Гиббона до школы «Поздней Античности»

Маслов В.П.^{1, 2, 3, 4} , Литовченко Е.В.^{4, 5}

¹⁾ Астраханский государственный технический университет,
Россия, г. Астрахань, 414056, ул. Татищева, 16;

²⁾ Астраханский музей-заповедник,
Россия, г. Астрахань, 414000, ул. Советская, 15;

³⁾ Центр стратегического анализа и управления проектами,
Россия, г. Астрахань, 414000, ул. Советская, 12/1;

⁴⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, 85;

⁶⁾ НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья»,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: masl0vvalery@yandex.ru, litovchenko@bsuedu.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция историографических подходов к исследованию нарративных образов Рима и Константинополя в письменных источниках IV–V вв. Работа прослеживает путь от классической концепции «упадка и падения» Эдуарда Гиббона до исследований в русле концепции «Поздней Античности» и современных моделей социокультурной трансформации. На основе трудов Арнольда Хью Мартина Джонса, Питера Брауна, Питера Хизера, Эйверил Кэмерон и других показан переход от восприятия имперских центров как статичных декораций деградации к их пониманию в качестве динамичных узлов административной и сакральной власти. Обосновывается значимость имагологического подхода для деконструкции механизмов переноса имперского величия, в ходе которого Константинополь интегрировался в традиционную римскую идентичность.

Ключевые слова: Рим, Константинополь, поздняя Античность, историография, нарративные образы

Финансирование: Исследование Е.В. Литовченко выполнено в рамках Государственного задания НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья» Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002). Вклад исследователя – 40 %.

Для цитирования: Маслов В.П., Литовченко Е.В. 2026. Нарративные образы Рима и Константинополя в историографии: от Гиббона до школы «Поздней Античности». *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 294–302. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-294-302. EDN: XNXXHT

Narrative Images of Rome and Constantinople in Historiography: From Gibbon to the Late Antique Studies

Valery P. Maslov ^{1, 2, 3, 4} , Elena V. Litovchenko ^{4, 5}

¹⁾ Astrakhan State Technical University,
16 Tatishchev St., Astrakhan 414056, Russia;

²⁾ Astrakhan Museum of History Lore,
15 Sovetskaya St., Astrakhan 414000, Russia;

³⁾ Center for Strategic Analysis and Project Management
12/1 Sovetskaya St., Astrakhan 414000, Russia;

⁴⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia;

⁵⁾ Research Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia

E-mail: maslovvalery@yandex.ru, litovchenko@bsuedu.ru

Abstract. The article examines the evolution of historiographical approaches to evaluating the narrative images of Rome and Constantinople in Latin written sources of the fourth and fifth centuries. The primary objective of the study is to identify key shifts in the academic perception of these cities within historical scholarship. The methodological framework of the research is based on a comparative historiographical analysis that makes it possible to contrast various research paradigms and trace the intellectual trajectory from the classical concept of decline and fall established by Edward Gibbon to contemporary models of the sociocultural transformation of Late Antiquity. Through a detailed review of the conceptual works by Arnold Hugh Martin Jones, Peter Brown, Peter Heather, Averil Cameron and others, the article demonstrates a consistent scholarly shift away from perceiving imperial centers as static backdrops of degradation. Instead, the study substantiates their understanding as dynamic narrative images. The paper summarizes the most significant research findings regarding the impact of Christianization on the transformation of the symbolic space of the cities, as well as the crucial role of the bureaucratic apparatus in maintaining their elevated status. A major outcome of the research is the validation of the imagological approach for deconstructing the complex mechanisms involved in the transfer of imperial majesty and ideological continuity.

Keywords: Rome, Constantinople, Late Antiquity, historiography, narrative images

Funding: E.V. Litovchenko's research was completed as part of the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University, "A Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages" (FEFM-2025-0002). The researcher contributed 40 %.

For citation: Maslov V.P., Litovchenko E.V. 2026. Narrative Images of Rome and Constantinople in Historiography: From Gibbon to the Late Antique Studies. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 294–302 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-294-302. EDN: XNXXHT

Введение

Проблема интерпретации переходных периодов истории, каким по праву мыслится Поздняя Античность, традиционно занимает центральное место в европейском историческом сознании, выступая в некотором смысле «зеркалом», которое последующие эпохи использовали для осмысления собственных кризисов и трансформаций. На протяжении последних столетий исследовательский интерес к периоду IV–V вв. претерпел фундаментальную эволюцию: от классического видения «разложения и падения», сформулированного в XVIII в. Э. Гиббоном, до современной концепции «Поздней Античности», акцентирующей внимание на процессах сложной социокультурной трансформации.

В рамках данного масштабного интеллектуального сдвига в гуманитарной науке особое значение приобретает анализ нарративных образов двух имперских центров – Рима и

Константинополя. Для авторов рассматриваемого периода города были не просто географическими точками, а сакральными центрами – символическими конструктами, через которые выражались идеи легитимности, божественного покровительства и исторической преемственности.

Объекты и методы исследования

Объектом данного исследования выступают исследования историков XX и XXI вв., посвященные вопросам оформления и развития концепции «Поздней Античности» в науке с акцентом на изучении вопросов конструирования позднеантичными авторами образов Рима и Константинополя. Работа проводилась с использованием метода сравнительного анализа и сопоставления современных историографических концепций с «классическим» портретом Римской империи IV–V вв., сформированным в XVIII в. и долгое время задававшим ориентиры в мировой исторической науке.

Научная новизна исследования заключается в попытке синтеза последних достижений отечественной и зарубежной историографии в демонстрации динамики подходов к рассмотрению нарративных образов Рима и Константинополя в IV–V вв., расценивающих эти образы не просто как один из необходимых элементов описания прошлого, а как сложную интеллектуальную модель, в которой города являются главными смысловыми полюсами.

Результаты и их обсуждение

«Классический» период историографии характеризовался восприятием эпохи Поздней Античности исключительно через призму «падения Рима». В нем доминировала концепция необратимого разложения и упадка, обоснованная Э. Гиббоном в XVIII в. Центральная идея заключалась в том, что Рим в IV–V вв. предстал в качестве империи, утратившей свои основополагающие ценности [Gibbon, Vol. III, p. 47]. Город и империя в целом рассматривались как символ деградации, где бывшее величие сменялось упадком [Gibbon, Vol. III, p. 151].

Разрушение имперского центра в нарративах того времени описывалась через призму утраты традиционных ценностей и институтов [Gibbon, Vol. III, p. 275, 276]. Так, Рим предстал как город, потерявший бывшее величие, однако эта утрата воспринималась не как абсолютная катастрофа, а как часть цикла [Gibbon, Vol. II, p. 15, 399]. Важно также указать на то обстоятельство, что символическое значение Рима в нарративах IV–V вв. проявлялось в сохранении его статуса сакрального центра, несмотря на явные признаки упадка [Gibbon, Vol. III, p. 133; Gibbon, Vol. IV, p. 8]. Город сохранял положение места сосредоточения имперской власти [Gibbon, Vol. II, p. 157; Gibbon, Vol. III, p. 399], центра христианской веры [Gibbon, Vol. III, p. 53, 340], символа исторической преемственности [Gibbon, Vol. III, p. 133].

Нарратив Гиббона строился на контрасте между идеализированным прошлым и деградирующим настоящим. Рим предстал как пространство, где культурная инерция боролась с моральным разложением [Gibbon, Vol. III, p. 46]. Константинополь же транслировался как «рациональная утопия» и плод единовременной императорской воли. В отличие от органического роста Рима, образ нового города выстраивался вокруг его геометричности и стратегической безупречности [Gibbon, Vol. II, p. 67, 69]. Э. Гиббон акцентировал внимание на процессе переноса империи, показывая, как механическое копирование римских институтов – Сената, ипподрома, системы распределения хлеба – создавали образ «вторичности», который, однако, становится залогом выживания всего государства [Gibbon, Vol. III, p. 11, 570].

Исследователь С.Н. Камнев указывает, что концепция Э. Гиббона была органическим продолжением традиции Тацита, где рационалистический агностицизм служил инструментом для анализа «деградации добродетелей». По мнению Сергея Николаевича, Гиббон фиксировал момент, когда Рим переходил окончательно из политической категории в категорию эсхатологическую и символическую. Катастрофы V в. в синтезе Э. Гиббона завершили эту метаморфозу – Константинополь стал хранителем римского наследия, а Рим перешел в область религиозной метафизики [Камнев, 2010, с. 12]. В свою очередь, А.Л. Мамонтов в своей

статье, ссылаясь на Эйверил Кэмерон, указывал, что в определенных аспектах Эдуард Гиббон был зависим от трудов Прокопия Кесарийского, из-за чего не мог выстроить объективное исследование вокруг значимых событий [Мамонтов, 2024, с. 369, 370.].

Вплоть до второй половины XX в. в европейской исторической науке доминировал взгляд на падение Римской империи как на катастрофическое событие, сопровождавшееся резким разрывом с прошлым. Этот подход сохранял свою устойчивость не из-за отсутствия новых материальных данных, а из-за того, что история Поздней Античности и Раннего Средневековья использовалась исследователями как инструмент для решения актуальных политических, национальных и социальных задач своего времени [Вуд, 2019, с. 175, 178].

Возникновение нового историографического дискурса не было случайностью; оно стало результатом масштабного сдвига в гуманитарном познании, который окончательно разрушил старую парадигму «упадка и гибели» [Ушаков, 2018, с. 105].

Переход к концепции «Поздней Античности» стал возможен прежде всего потому, что к середине XX в. традиционные модели объяснения истории, опиравшиеся на национализм и жесткую классовую борьбу, зашли в тупик [Ващева, 2017, с. 6]. После двух мировых войн использование истории Рима как идеологического оружия в спорах между нациями потеряло свою моральную и научную легитимность [Вуд, 2019, с. 175, 199, 200], а идеи и достижения французской школы «Анналов», прежде всего, дали необходимый импульс в развитии новых методологических подходов в истории.

Важнейшей вехой на пути к преодолению догматичной парадигмы стал монументальный труд А.Х.М. Джонса [Матросов, 2018, с. 42]. Если Э. Гиббон рассматривал Рим и Константинополь IV–V вв. как декорации для моральной драмы упадка, то Джонс предложил радикально новый взгляд [Джонс, 1997, с. 526–528], который был укреплен и рельефно обозначен в работах П. Брауна [Головкин, 2021, с. 20].

Джонс деконструировал нарративные образы обеих столиц, снимая с них слой риторических топосов и обнажая их административно-экономический скелет [Джонс, 1997, с. 149, 325]. В интерпретации Арнольда Хью Мартина Рим и Константинополь не были исключительно «сакральными центрами» или «символами легитимности». Они превращались в функциональные узлы колоссальной бюрократической машины, чьи нарративные репрезентации в светских историях, хрониках и эпистолографии IV–V вв. напрямую детерминированы их социально-правовым статусом [Джонс, 1997, с. 101, 325–327].

Рим в IV–V вв. представал не в виде угасающего античного полиса, а как специфический ареал концентрации сенаторской аристократии. На основе скрупулезного изучения письменных источников и данных эпиграфики, исследователь пришел к выводу, что нарративный образ «Вечного города» поддерживался колоссальным земельным ресурсом западной знати [Джонс, 1997, с. 101, 325, 397]. Для Джонса «праздное величие» сенаторов было не просто моральной деградацией, как полагал Гиббон, а сознательной социально-экономической стратегией сословия, сумевшего приватизировать значительную часть государственных прерогатив [Джонс, 1997, с. 400, 401].

Константинополь же трактовался Джонсом как триумф имперской логистики и фискального прагматизма [Джонс, 1997, с. 133, 232]. Исследуя структуру префектур и ведомств, автор демонстрировал, что образ «Нового Рима» конструировался вокруг принципиально иного социального типа – служилого чиновничества, чья лояльность и статус напрямую зависели от близости к императорскому дворцу [Джонс, 1997, с. 176, 177]. Таким образом, Джонс переводит проблему «переноса империи» из области идеологических спекуляций в плоскость административной географии.

Если А.Х.М. Джонс обнажил административный скелет империи, то П. Браун вдохнул в него жизнь [Браун, 2024, с. 14, 60]. В работе Питера Брауна нарративные образы Рима и Константинополя обретали новое измерение – они мыслились пространствами религиозного самовыражения и конкуренции. Христианизацию городского ландшафта IV–V вв. П. Браун показывал не просто как смену культов, а в качестве радикального изменения социального кода

[Ващева, 2009, с. 224]. Образ Рима трансформировался из сакрального центра языческой империи в «город апостолов», где на смену сенаторскому патронату пришел епископский надзор [Браун, 2024, с. 120, 128, 201]. Константинополь же становился городом, чья архитектура и церемониал были призваны репрезентировать теократический идеал земного царства [Браун, 2024, с. 142, 146].

Синтез институционального подхода Джонса и социокультурного анализа Брауна позволил современной историографии преодолеть упрощенную модель «упадка» [Соловьев, 2022, р. 88]. Сегодня нарративные образы двух столиц рассматриваются как сложные интеллектуальные модели, в которых административная реальность, зафиксированная А.Х.М. Джонсом, неразрывно связана с символическими смыслами, выявленными Питером Брауном. Именно на стыке этих подходов становится возможным увидеть Рим и Константинополь не как памятники былому величию, а как динамичные центры институциональной трансформации, в которых формировался фундамент средневековой цивилизации.

Если П. Браун обозначил общие контуры трансформации ментальности, то исследователи конца XX – начала XXI вв., такие как Дж. Карран, перешли к детальной деконструкции того, как именно городской ландшафт Рима и Константинополя в IV в. превращался в нарратив [Curran, 2000, р. 9, 175].

Джон Карран предложил оригинальную интерпретацию образа Рима, которую можно обозначить как «пространство компромисса». Анализируя письменные источники периода правления Константина I и его преемников, исследователь доказывал, что нарративный образ Рима в IV в. не был представлением о городе, находящемся в состоянии «религиозной войны» между язычеством и христианством. Напротив, Карран определял модель мирного сосуществования, где императорская власть сознательно избегала радикальной христианизации сакрального центра города, чтобы не нарушить символическую преемственность власти [Curran, 2000, р. 10, 281, 344].

Особое внимание Дж. Карран уделял образу сенаторской аристократии, дополняя институциональные выводы Джонса. Для него сенаторы – это не просто владельцы латифундий, а хранители «топографии престижа». Исследователь продемонстрировал, как в латинских надписях и панегириках IV в. конструировался образ Рима как города, где традиционные игры, празднества и восстановление общественных зданий служили способом легитимации новой христианской власти через старые языческие формы [Curran, 2000, р. 11, 12, 192].

Несмотря на развитие новых парадигм, в начале XXI в. в академической среде сохранялась определенная приверженность идеям Э. Гиббона. Если школа П. Брауна и его последователей акцентировала внимание на гибкости смыслов и плавности переходов, то новейшая историография в лице Б. Уорд-Перкинса вернула в научный дискурс категорию материальной катастрофы. Его фундаментальный труд «Падение Рима и конец цивилизации» стал своего рода «холодным душем» для сторонников теории бесконечной трансформации [Ward-Perkins, 2005, р. 130, 170].

Уорд-Перкинс предложил взглянуть на образы Рима и Константинополя не через призму интеллектуальных конструктов, а через жесткую реальность археологических данных. В его оптике образ Рима V в. – это не просто сакральный символ, переходящий из язычества в христианство, а город, переживающий реальный, физический коллапс сложной экономической и социальной системы [Ward-Perkins, 2005, р. 100, 117, 179]. Уорд-Перкинс доказывал, что за утонченными текстами позднеантичных авторов, пытавшихся осмыслить перемены, скрывалось катастрофическое упрощение жизни. Исчезновение качественной керамики, сокращение объемов строительства и деградация денежного обращения в Риме V в. превращают нарратив о «вечности» города в горькую иронию. Для Уорд-Перкинса падение Рима – это не «смена декораций», а исчезновение целого уровня человеческого бытия, который не восстанавливался столетиями [Ward-Perkins, 2005, р. 106, 179, 183].

Если Карран видел в текстах «компромисс», то Уорд-Перкинс предлагал видеть в них фиксацию шока. Он обращался к свидетельствам современников, например, Иеронима, подчеркивая, что для людей V в. события не были «этапом трансформации». Это было осознание

конца привычного мира. Археологические свидетельства пожаров и запустения центральных кварталов Рима подтверждают, что нарративный образ «города-символа» в этот период входил в глубочайшее противоречие с его физическим состоянием [Ward-Perkins, 2005, p. 16, 41].

Дальнейшее развитие дискуссии о соотношении «трансформации» и «коллапса» нашло отражение в работах британского историка П. Хизера, чья монография «Падение Римской империи» является своего рода синтетической моделью, примиряющей материализм Уорд-Перкинса с вниманием к политическим процессам. Питер Хизер вносит в исследование нарративных образов двух столиц элемент геополитического реализма, рассматривая города не просто как культурные символы, а как центры управления ресурсами в условиях беспрецедентного внешнего давления [Хизер, 2019, с. 5, 21, 22]. Исследователь подчеркивал, что для авторов этого времени Рим перестал быть «Вечным» не из-за внутреннего морального разложения, как считал Гиббон, а вследствие утраты контроля над ключевыми провинциями [Хизер, 2019, с. 200, 299].

Константинополь же в трудах Хизера представлял как «уцелевший полис», чья реальная и нарративная стабильность была обеспечена не только императорской волей, но и уникальным географическим положением. Исследователь акцентировал внимание на том, что «Новый Рим» сумел пережить гуннское нашествие и сохранить контроль над богатейшими восточными провинциями. Это позволило Константинополю окончательно закрепить за собой статус единственного легитимного хранителя римской идеи. Если Рим в позднеантичной литературе этого времени все чаще уходил в область эсхатологии и церковного патроната, то Константинополь представлялся как динамичное, функционирующее государство, способное к политическому маневру и военной экспансии [Хизер, 2019, с. 21].

Важным вкладом Хизера в изучение нарративов является его тезис о том, что падение Рима не было «самоубийством» или «естественной смертью». Это было «убийство по неосторожности», где внешние факторы пересеклись с внутренней хрупкостью системы. Соответственно, нарративные образы двух столиц в V в. отражают этот геополитический разлом [Хизер, 2019, с. 303].

Закономерным этапом в развитии историографической дискуссии о судьбах двух столиц и преодолении жесткой дихотомии между «катастрофой» и «трансформацией» выступает позиция Эйверил Кэмерон, обозначенная в одной из монументальных работ XXI в. Встраивая нарративные образы Рима и Константинополя в широкий панорамный контекст всего Средиземноморья, Кэмерон предлагает отказаться от однолинейных концепций «упадка» или всепоглощающей «непрерывности» в пользу детального анализа локальных трансформаций, в том числе – деконструкции понятия «центр» [Cameron, 2012, p. 1, 4, 207].

В современной деконструкции дихотомии двух столиц большое значение имеет коллективный труд Л. Григ и Г. Келли. Эта работа знаменует собой переход от поиска различий и причин упадка к анализу единого коммуникативного и символического пространства, в котором функционировали обе столицы. Авторы предлагают отказаться от взгляда на Рим и Константинополь как на изолированные или конкурирующие сущности. Здесь нарративные образы городов IV–V вв. анализируются не через призму противопоставления, а как элементы сложной системы взаимных отражений [Grig, Kelly, 2015, p. 6, 21].

Григ и Келли подчеркивают, что авторы того времени активно работали над тем, чтобы сделать Константинополь «сопоставимым» с Римом. Этот процесс включал не просто копирование институтов, но и перенос нарративных стратегий. Использование классических панегириков, например, Латиния Паката Дрепаня, для прославления «Нового Рима» создавало ситуацию, когда образы городов начинали сливаться в единый идеал имперского центра [Grig, Kelly, 2015, p. 211]. Исследователи также обращают внимание на то, как присутствие императора в городе меняло его нарративный облик. Рим, в котором императоры появлялись все реже, начинает идеализироваться как «вечный источник легитимности», в то время как Константинополь репрезентируется как «действующий штаб». Это не упадок одного и возвышение другого, а функциональное разделение единого имперского образа на две составляющие: сакрально-историческую и административно-военную [Grig, Kelly, 2015, p. 16].

В современной отечественной историографии присутствует тезис о том, что идеологическая концепция Константинополя как «Нового Рима» изначально не предполагалась. Так, М.М. Казаков доказывал, что в 330 г. город воспринимался скорее как стратегический пункт и персональный символ триумфа императора, нежели в качестве альтернативы Риму. Статус «столицы» и концептуальное равенство со «Старым Римом» стали результатом не единовременного указа, а длительной эволюции статуса Константинополя в течение IV в., что корректирует классическое представление о нем как о заранее спланированной административной утопии [Казаков, 2025, с. 209].

В этом смысле позиция российского ученого совпадает с умозаключениями немецкого византиниста, профессора Кельнского университета, Петера Шрайнера, который в своем фундаментальном труде «Константинополь: история и археология древнего города», развенчивает роль раннего Константинополя как центра образования и учености. Автор пишет о том, что город заслужил роль интеллектуального центра «в ходе долгого процесса», аргументируя тем, что «столица была основана на месте провинциального города Восточной Римской империи, незначительного в культурном отношении. Однако придворная риторика³ IV века больше не хотела соглашаться с этим фактом и в пышных выражениях присваивала даже самому раннему Константинополю ранг культурной столицы, которой он стал только в более поздние века, чему до сих пор верят многие современные авторы» [Шрайнер, 2024, с. 202].

Заключение

Проведенное исследование трансформации историографических подходов к анализу нарративных образов Рима и Константинополя позволяет определить сдвиг в понимании обозначенной проблемы. Эволюция научной мысли – от классической телеологической модели «заката и падения» Э. Гиббона к современной концепции сложной социокультурной трансформации – значительно изменила интерпретацию роли двух имперских центров в позднеантичной традиции. Обе столицы рассматриваются в динамике их сложного сосуществования и взаимовлияния на протяжении IV–V веков. При этом акцент смещается с анализа качества самих городов (по принципу «лучше – хуже») на их различные траектории развития: Рим долго сохранял ауру сакральной вечности и был центром аристократической культуры, в то время как Константинополь быстро становился центром императорской бюрократии и христианского богословия.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на значительный массив накопленных данных, в современной науке не представлены комплексные исследования, объединяющие административные, сакральные и социально-бытовые аспекты нарративных образов двух столиц в единую систему. В связи с этим перспективным направлением представляется реализация исследования с применением имагологического подхода, который позволит деконструировать механизмы формирования, трансляции и воздействия на общество образов Рима и Константинополя не как статичных географических объектов, а как динамических ментальных конструкторов.

Это поможет, в свою очередь, выявить динамику восприятия интеллектуальной элитой IV–V вв. новой геополитической реальности и проследить процесс символического и политического «переноса» имперского величия, в ходе которого административные и сакральные функции новой столицы получили легитимность через традиционные римские нарративы.

Список литературы

- Браун П. 2024. Мир поздней Античности: 150–750 гг. н. э. Пер. с англ. С.А. Воронцова, Е.Ю. Решиковой, М.Ю. Биркина; науч. ред. О.В. Ауров. Москва, Новое литературное обозрение, 432 с.
- Ващева И.Ю. 2009. Концепция Поздней античности в современной исторической науке. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 6(1): 220–231.
- Ващева И.Ю. 2017. Поздняя античность и проблемы современного европейского общества. *The scientific heritage*, 18: 6–8.

³ Говоря о придворной риторике, Шрайнер ссылается, прежде всего, на Фемистия и Гимерия.

- Вуд И. 2019. Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «Поздней Античности». Пер. с англ. О.А. Кабитовой, ред. Д.В. Сухино-Хоменко. *Vox medii aevi*, 1(4): 175–202.
- Головко Д.Ю. 2021. Концепция Поздней Античности в западной историографии. В кн.: *Потемкинские чтения. Материалы международной научной конференции* (Севастополь, 24–26 марта 2021 г.). Севастополь, Изд-во СевГУ: 20–21.
- Джонс А.Х.М. 1997. Гибель античного мира. Пер. с англ. Т.В. Горяйновой, науч. ред. С.Г. Горяйнов. Ростов н/Д, Феникс, 576 с.
- Камнев С.Н. 2010. Историческая концепция Эдуарда Гиббона. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 25.
- Казakov М.М. 2025. Новый Рим: у истоков идеи. *Известия Смоленского государственного университета*, 2(70): 205–220.
- Мамонтов А.Л. 2024. Долгий путь поздней Античности. *Диалог со временем*, 86: 369–375.
- Матросов М.А. 2018. Формирование в советской историографии 30-х – начала 90-х годов XX века представлений о поздней Античности как особом историческом периоде. *Причерноморье. История, политика, культура*, 26: 41–50.
- Соловьев Р.С. 2022. Подходы к литературе поздней античности: в поисках золотой середины. *Philologos*, 3(54): 87–93.
- Ушаков С.В. 2018. Проблема гибели Римской империи и концепция поздней Античности. *Причерноморье. История, политика, культура*, 26: 103–109.
- Хизер П. 2019. Падение Римской империи. Пер. с англ. А. Короленкова. Москва, АСТ, 408 с.
- Шрайнер П. 2024. Константинополь: история и археология древнего города. Пер. А. Виноградова. Москва, АСТ, 224.
- Cameron A. 2012. *The Mediterranean World in Late Antiquity 395–700 AD*. Second Edition. London, Routledge, 300.
- Curran J.R. 2000. *Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century*. Oxford, Clarendon Press, 389.
- Grig L., Kelly G. 2015. *Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity*. New York, Oxford University Press, 496.
- Gibbon E. 1997. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. II. Albany, AGES Software, 753.
- Gibbon E. 1997. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. III. Albany, AGES Software, 634.
- Gibbon E. 1997. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. IV. Albany, AGES Software, 695.
- Ward-Perkins B. 2005. *The Fall of Rome and the End of Civilization*. New York, Oxford University Press, 239.

References

- Brown P. 2024. *Mir pozdney Antichnosti: 150–750 gg. n. e.* [The World of Late Antiquity: AD 150–750]. Translated from English by S.A. Vorontsova, E. Yu. Reshchikova, M. Yu. Birkin; Scientific Editor O.V. Auroy. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 432 p.
- Vashcheva I.Yu. 2009. The Concept of Late Antiquity in Modern Historical Science. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 6(1): 220–231.
- Vashheva I.Ju. 2017. Pozdnjaja antichnost' i problemy sovremennogo evropejskogo obshhestva [Late Antiquity and the Problems of Modern European Society]. In: *The scientific heritage*, 18: 6–8.
- Wood I. 2019. Debates on the Fall of Rome: From the «Old Order» to the Creation of «Late Antiquity». Translated from English by O.A. Kabitova, edited by D.V. Sukhino-Khomenko. In: *Vox medii aevi*, 1(4): 175–202 (in Russian).
- Golovko D.Yu. 2021. The Concept of Late Antiquity in Western historiography. In: *Potemkinskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Potemkin Readings. Materials of International Scientific Conference] (Sevastopol, 24–26 March, 2021). Sevastopol, Sevastopol State University Publishing House: 20–21 (in Russian).
- Jones A.H.M. 1997. *Gibel' antichnogo mira* [The Decline of the Ancient World]. Transl. from Engl. T.V. Goryaynova, ed. S.G. Goryaynov. Rostov-on-Don, Phoenix, 576 p. (Jones A.H.M. 1966. *The Decline of the Ancient World*. London, Longman, 414).
- Kamnev S.N. 2010. *Istoricheskaya kontseptsiya Eduarda Gibbona* [The Historical Concept of Edward Gibbon]. Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Омск, 25 p.
- Kazakov M.M. 2025. *Novyy Rim: u istokov idei* [New Rome: At the Origins of the Idea]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(70): 205–220.
- Mamontov A.L. 2024. *Dolgiy put' pozdney Antichnosti* [The Long Journey of Late Antiquity]. In: *Dialog so vremenem*, 86: 369–375.
- Matrosova M.A. 2018. *Formirovanie v sovetskoy istoriografii 30-kh – nachala 90-kh godov XX veka predstavleniy o pozdney Antichnosti kak osobom istoricheskom periode* [The Formation in Soviet

- Historiography of the 30s – Early 90s of the XX Century of Ideas about Late Antiquity as a Special Historical Period]. In: *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*, 26: 41–50.
- Solovyev R.S. 2022. Podkhody k literature pozdney antichnosti: v poiskakh zolotoy serediny [Approaches to the Literature of Late Antiquity: In Search of the Middle Ground]. In: *Philologos*, 3(54): 87–93.
- Ushakov S.V. 2018. Problema gibeli Rimskoy imperii i kontseptsiya pozdney Antichnosti [The Problem of the Fall of the Roman Empire and the Concept of Late Antiquity]. In: *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*, 26: 103–109.
- Heather P. 2019. Padenie Rimskoj imperii [The Fall of the Roman Empire]. Transl. from Engl. A. Korolenkov. Moscow, AST, 408 p.
- Shrajner P. 2024. Konstantinopol': istoriya i arheologiya drevnego goroda [Constantinople: History and Archaeology of the Ancient City]. Per. A. Vinogradova. Moscow, AST, 224 p.
- Cameron A. 2012. The Mediterranean World in Late Antiquity 395–700 AD. Second Edition. London, Routledge, 300.
- Curran J.R. 2000. Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century. Oxford, Clarendon Press, 389.
- Grig L., Kelly G. 2015. Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. New York, Oxford University Press, 496.
- Gibbon E. 1997. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. II. Albany, AGES Software, 753.
- Gibbon E. 1997. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. III. Albany, AGES Software, 634.
- Gibbon E. 1997. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. IV. Albany, AGES Software, 695.
- Ward-Perkins B. 2005. The Fall of Rome and the End of Civilization. New York, Oxford University Press, 239 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.01.2026

Received January 15, 2026

Поступила после рецензирования 11.03.2026

Revised March 11, 2026

Принята к публикации 20.03.2026

Accepted March 20, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Маслов Валерий Петрович, ассистент кафедры «Гуманитарные науки и психология», Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань, Россия; научный сотрудник, отдел учета, сектор документооборота, Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Россия; начальник отдела информационно-аналитического обеспечения деятельности Губернатора Астраханской области, Центр стратегического анализа и управления проектами, г. Астрахань, Россия; аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0004-6310-2861](https://orcid.org/0009-0004-6310-2861)

Литовченко Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; главный научный сотрудник, НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья», г. Севастополь, Россия

 [ORCID: 0000-0002-1203-6049](https://orcid.org/0000-0002-1203-6049)

Valery P. Maslov, Teaching Assistant at the Department of Humanities and Psychology, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia; Researcher, Department of Records, Sector of Documentation, Astrakhan Museum of History Lore, Astrakhan, Russia; Head of the Department of Information and Analytical Support of the Activities of the Governor of the Astrakhan Region, Center for Strategic Analysis and Project Management, Astrakhan, Russia; Postgraduate Student, Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Elena V. Litovchenko, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; Chief Researcher, Research Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol, Russia